

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

ТЫЛОВОЕ ФРЯЗИНО

Алла Алексеевна Пушкина приехала во Фрязино полуто-

рагодовалым ребёнком в 1938 году с родителями. Войну она встретила здесь, во Фрязино. Её родители - отец Пушкин Алексей Иванович работал на заводе «Радиолампа», а мать Пушкина Екатерина Григорьевна перед войной - в школе.

В той самой средней школе, которую построили в 1938 году для Фрязино и Гребнево. Той школе, которую потом закончила с золотой медалью сама Алла Алексеевна, и в которой аттестат зрелости получили в 1980 году Сергей и Галина Потаповы, наши с

нею дети.

В основу написанного ниже легли устные и письменные воспоминания людей, с которыми (большей частью) автор встречался лично.

Ещё 18 декабря 1940 года была подписана Директива Гитлера № 21 (план Барбаросса»). И всё-таки война, ясно вызревшая в головах захватчиков, подготовленная всей мощью порабощенной Европы, как это часто случается с большой бедой, нагрянула к нам как бы неожиданно-негаданно.

Двадцатого июня 1941 года Аллочке Пушкиной исполнилось пять лет. И как было принято в семействе, отмечать празд-

ник они поехали в Москву, к дедушке Пушкину Ивану Семёновичу и бабушке Евдокии Ивановне.

Этот 1941 год был особенный – маме Аллочки Екатерине Григорьевне выдали долгожданную путёвку в Кисловодск. Туда она и уехала 17 июня

За столом у Пушкиных в большой комнате коммунальной квартиры на Плющихе было и весело, и шумно

Казалось бы, только-только жизнь начала поворачиваться к людям своей светлой стороной. Это был даже не поворот, не пол-оборота, и даже не его четверть – просто людям стало слегка легче жить.

Вспоминая всё: и ту довоенную жизнь, и первый в жизни пятилетний юбилей уже взрослевшая Алла Алексеевна напишет о ней и о нём стихи.

Не суди, читатель, строго. Она всё-таки профессиональный логопед, а поэт в душе. Впрочем, ниже приведены её воспоминания – судите сами.

*Я хочу вернуться в детство,
Где воздушные шары,
Много комнат в коммуналке
И всего лишь две плиты.*

Необычного размера

Мяч принёс сегодня Дед.

Бабушка степенно, чинно

Подает ему обед.

А молоденькая Капа может книжку почитать

Барышине в коротком платье.

Это я. Мне завтра – пять...

Но осталось за порогом всё,

Чем в детстве я жила

За порогом-поворотом завтра грянула война

И тяжёлые теплушки

Потянулись на Восток

Не игрушки-погремушки

Хлеба я держу кусок.

Как она вспоминает, весёлый праздник её пятилетнего юбилея прервала речь В.М. Молотова. Тарелка репродуктора объявила: началась война.

А в это время во Фрязино: «В 12 часов дня 22 июня передавали тоже речь Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину. Война...

Сначала казалось, что война где-то далеко от Фрязино, и враг будет скоро разбит. В каждом фрязинском доме каждое утро с нетерпением ждали сводку Информбюро. Началась мобилизация. Один за другим уходили с завода молодые ребята: рабочие, техники, инженеры, которых вызывали в военкомат и отправляли в воинские части.

Завод стал чувствовать войну уже непосредственно на себе. Вскоре боевые действия коснулись и Фрязино. С 27 июня начались ежевечерние налеты немецкой авиации на Москву. Над Фрязино пролетали одиночные немецкие самолеты, которые летели бомбить Москву. Моторы немецких самолетов издавали характерный надрывный гул, который отличал их от равномерного рокота советских самолетов. Через 10–15 минут после пролета немецких самолетов в стороне Москвы возникало зарево, которое все более и более разгоралось. Это были пожары от зажигательных бомб, которые сбрасывали немецкие самолеты. В ночном небе были видны тысячи вспышек зенитных снарядов, которыми немецкие самолеты отгонялись от Москвы.

Наши самолеты вступали в бой на подступах к Москве, чтобы не дать прорваться немецким самолетам к столице» - так записано в воспоминаниях современника тех дней.

Из воспоминаний жителей города Щёлково

«В то утро, 22 июня 1941 года, тысячи рабочих и служащих нашего района под звуки оркестра вышли на строительство дороги, связывающий г. Щелково и посёлком Загорянский. Текстильщикам прядильно-ткацкой фабрики комбината был отведён участок возле станции Соколовская. За работу взялись дружно и закончили её в двенадцатом часу дня. Уставшие, но довольные своей работой, мы воз-

вращались домой. В 12 часов подошли к зданию исполкома горсовета там и услышали о начале войны»

Из документов

В связи с угрозой воздушного нападения штаб местной противовоздушной обороны Москвы и Московской области объявил с 13 часов 22 июня...угрожающее положение.

В Щёлкове отдан приказ №1 местной воздушной обороне, в котором объявляется, что район находится на угрожающем положении. Состоялось собрание партийного актива.

По воспоминаниям фрезеровщика Фрязинского завода «Радиолампа», будущего генерал-лейтенанта Михаила Ильича Пономарёва.

«22 июня Щелковский горком партии, срочно собравшийся на свой расширенный пленум, объявил призыв коммунистов на партийно-политическую работу в Красную Армию».

Началась запись добровольцев на фронт. Среди них и были женщины. Десять комсомолок Шляпной фабрики тт. Серёгина, Петрова, Кошелева и другие коллективно написали заявление в райвоенкомат с просьбой отправить их добровольцами на фронт».

26 июня

Из информационный записки секретарю МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакову.

«Высокая сознательность советских граждан способствует тому, что большинство предприятий, несмотря на уход значительной группы мужчин по мобилизации, выполняют и перевыполняют производственные планы...»

27 июня

Бюро МК и МГК ВКП(б) в соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняло постановление о создании в районах и городах области по одному истребительному батальону. Руководство ими возлагалось на управление НКВД по Москве и Московской области.

Щёлковский истребительный батальон в количестве 232 человек был сформирован вначале июля. В составе батальона было управление и 6 взводов.

Командиром батальона был назначен кадровый офицер пограничных войск старший лейтенант Леонид Александрович Горюнов, заместителем командира батальона по политчасти – офицер запаса политрук Петр Александрович Сафонов, начальником штаба- офицер запаса лейтенант Вениамин Абрамович Щенников...

Бойцы истребительного батальона охраняли мост через Кляльму, здание Щёлковского горкома ВКП(б), нефтебазы, завод 191 (Фрязинскую «Радиоламп»), поля возможной высадки десантов; вели наблюдение за воздухом с вышек населённых пунктов ...выполняли другие задачи.

2 июля

Военный совет МВО (Московского военного округа) принял постановление о добровольной мобилизации трудящихся Москвы и области в дивизии народного ополчения.

Документ ЦАОПИМ, ф. 156, оп. 1, д.201 (Особая папка Щёлковского ГК ВКП(Б), 1941, л.4 Рассекречено. Акт № 17от 06.4.95. (Первая публикация М,М. Федорова-Чеберако)

СОВ.СЕКРЕТНО.

Протокол №1.

Чрезвычайной тройки 2.07. 1941 города Щёлкова и района.

Вопросы: Об организации и создания народного ополчения.

Постановили:

1. Создать народное ополчение в городе и районе. Поручить т. Горбунову обеспечить штаты, комплектование начальствующего, политического и комсостава. Провести запись добровольцев в народное ополчение. Разъяснить среди рабочих, служащих и колхозников района.

2. Предложить т. Первухину – директору Чугунно- литейного завода отлить 13 котлов для походных кухонь и 1530 котелков, а тов. Семину обеспечить цветным металлом.

3. Предложить т. Ковалёву изготовить 500 шт. лопат сапёрных и 1000 котелков и оборудовать 3 походные кухни.

4. Тов. Сергееву (Фрязино, завод 191) – изготовить 1000 кружек, 750 котелков и оборудовать походные кухни.

5. Тов. Желудову изготовить 13 походных кухонь, материальную часть.

6. Тов. Чувашову обеспечить изготовление 500 котелков и оборудование кухонь.

7. Предложить тов. Чуйкину обеспечить помещение, оборудовать (его) для размещения народного ополчения.

Срок исполнения – 48 часов.

Члены тройки: Военком Горбунов, Нач. РайНКВД Комаров, Председатель Чрезвычайной Тройки, Секретарь Горкома ВКП(б) Литвинов.¹²

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ В МОСКВЕ.

После того как мама Аллочки уехала в Кисловодск, во Фрязино приехала её бабушка, Евдокия Ивановна, мать отца. В рабочие дни они втроём жили во Фрязино, а на выходные, опять же втроём: бабушка, внучка и её отец уезжали в Москву.

После 22 июня из Кисловодска вестей не было. Алексей Иванович Пушкин был занят на работе практически круглосуточно, да и мобилизация на фронт, как полагали, «была не за горами». После празднования дня рождения бабушка Евдокия Ивановна решила оставить тогда ещё единственную внучку у себя в Москве.

Как теперь уже через много лет Алла Алексеевна вспоминает, как те дни конца июня – начала июля 1941 они с бабушкой, прихватив клеенчатую сумку, ходили по магазинам. И это были не походы по магазинам, а скорее их обход. Начинали с магазина, размещенного в своём доме, на Плющихе. Затем обходили все магазины, расположенные по дороге к главному – Гастроному, что на Смоленской.

В магазинах были очереди, в очередях хватало разговоров всем, даже пятилетней Аллочке. Она с удовольствием высказывала своё сокровенное желание – превратиться в комарика, залететь Гитлеру в нос и кусать, и кусать этого негодяя. Народ

¹² Здесь и выше документы взяты из книги М.М. Федорова-Чеберако «Щёлковский район в 1941 году».

улыбался, разделяя озабоченность ребёнка. А между тем Москву уже бомбили.

Станции метро служили бомбоубежищем многим москвичам, включая наших внучку и бабушку. Обычно при воздушной тревоге они спускались в подземные вестибюли станций метро либо «Парк Культуры», либо «Смоленская». Ребятне очень нравилось это занятие. Чуткие ко всему новому они с удовольствием прогуливались по платформам, и даже позволяли себе бегать по ним. Чего уж, конечно, никак не допускалось при обычной работе метро как средства транспорта.

Однажды после одного из подобных посещений метро, придя домой на Плющиху, Аллочка обнаружила сидящую за столом свою маму. Радость встречи была невероятной. Мама отсутствовала долго, слишком долго, так что взрослых даже начали беспокоить мрачные мысли.

Потом, после рассказа Екатерины Григорьевны, стало ясным, что они, эти мрачные мысли, были практически не безосновательными.

Сразу же после объявления войны Е.Г. Пушкина засобиравшись домой, в Москву. Местное санаторное начальство никого не отпускало. Оно всех убеждало, что война скоро кончится, враг будет разбит, а потому нужно отдыхать спокойно весь положенный срок.

Билетов на поезда не продавали. Е.Г. Пушкина добралась до начальника одного из воинских эшелонов, отправляющихся в Центральную Россию. Начальнику пришлось долго объяснять, что дома у неё осталась пятилетняя дочь, что мужа могли уже мобилизовать, а быть девочке не с кем.

Начальник эшелона согласился поместить Е.Г. Пушкину в вагон для семей военнослужащих, сопровождающих эшелон.

Ехали долго, очень долго и не до Москвы. В Москву пришлось добираться своим ходом. Что называется «на перекладных», по узкоколейке, попутными автомобилями – всего Алла Алексеевна и не припомнит, ибо детская память не смогла сохранить скучные подробности.

С приездом мамы Аллочка перебралась к себе домой, во Фрязино. К тому времени в поселке успели оборудовать так называемые щели – укрытия при бомбежках. Они располагались на месте теперешнего городского рынка.

С 27 июня начались ежевечерние налеты немецкой авиации на Москву. Над Фрязино пролетали одиночные немецкие самолеты, которые летели бомбить Москву. Моторы немецких самолетов издавали характерный надрывный гул, который отличал их от равномерного рокота советских самолетов. Через 10–15 минут после пролета немецких самолетов в стороне Москвы возникало зарево, которое все более и более разгоралось. Это были пожары от зажигательных бомб, которые сбрасывали немецкие самолеты. В ночном небе были видны тысячи вспышек зенитных снарядов, которыми немецкие самолеты отгонялись от Москвы.

Наши самолеты вступали в бой на подступах к Москве, чтобы не дать прорваться немецким самолетам к столице. Аллочка хорошо помнит перекрестие прожекторов над Чкаловской, в котором высвечивались вражеские самолеты. На всю жизнь у неё остались в памяти «фонтаны» от разорвавшихся зенитных снарядов.

Во Фрязино, как и на всей европейской территории страны, использовалось затемнение. Хотя немецкие самолеты пролетали над ним, ни на поселок, ни на завод не было сброшено ни одной бомбы. Очевидно, немцы считали, что Москву они возьмут, и завод им будет нужен. Однако к 2–3 часам ночи зарево над Москвой уменьшалось, а к 3–5 часам прекращалось. Это — результат работы пожарных и жителей Москвы, дежуривших на крышах домов, сбрасывающих на землю специальными клещами зажигательные бомбы, где последние засыпались песком и гасились.

Издали не раз казалось, Москва сгорела, от нее ничего не осталось. Но когда приезжали в Москву, видели: дома целы, Ярославский вокзал на месте, Кремль на месте. Трамваи, трол-

лейбусы, метро — все работает. Было ясно — Москва велика, и никакие немецкие налеты не в силах ее уничтожить.

Эскадрильи немецких самолетов-бомбардировщиков со всех сторон волнами налетали на Москву. Как только начинало темнеть, эскадрильи немецких бомбардировщиков пролетали над Фрязино. Первое время люди покидали квартиры и уходили подальше от своих домов. Но скоро они привыкли к тому, что над Фрязино пролетают вражеские самолеты, и уже не уходили из своих домов. Соблюдалось строжайшее затемнение домов! О, эта светомаскировка. Одним из вечеров она чуть было ни подвела семейство Пушкиных под неприятности.

Екатерина Григорьевна в тот день по обыкновению дежурила в школе. Немцы забрасывали города, поселки и селения зажигательными бомбами. Их надо было тушить в специально приготовленных ящиках с песком. Случись налёт бомбардировщиков с фугасными бомбами, объявлялась воздушная тревога. Тогда приходилось идти организованно в щели, в укрытия от бомбёжки. Алексей Иванович прибежал домой на часок другой отдохнуть, ибо задерживался на работе не просто подолгу, но и без различения дня и ночи. В такие часы Алла была предоставлена сама себе. Её очень устраивало безнадзорное пребывание в квартире на четвёртом (последнем) этаже.

В тот день Алексей Иванович, не спавший до этого сутками, придя домой сразу же лёг спать. Лёг, не раздеваясь, в чём был. Объявили воздушную тревогу. Алексей Иванович не услышал сигналов тревоги, а Аллу они нисколько не смутили. Возвращаясь после отбоя из укрытия, Екатерина Григорьевна увидела в своей квартире освещенные окна. Уж очень они выделялись на фоне затемненного дома. Испугавшись страшного, Екатерина Григорьевна на одном дыхании поднялась на четвёртый этаж. Открыв дверь, увидела играющую на полу дочь, крепко спящего мужа и залитую электрическим светом квартиру. Бог милостив, обошлось без скандалов. Но вольное пребывание в пустой квартире А.А. Пушкиной на сём закончилось. Мама ста-

ла её брать с собою на дежурство в школе. (За несколько дней до начала войны няня Алена уехала в свою деревню под Курском).

В августе налёты на Москву продолжались. В городе началась эвакуация жителей. Из предприятий в числе первых выезжали на Восток некоторые оборонные заводы, конструкторские бюро и лаборатории. Московский институт «Цветмет» эвакуировался в Омск. В Омске жили родители Екатерины Григорьевны и её младший брат. В эшелон этого института удалось пристроить Екатерину Григорьевну и Аллочку. Во Фрязино остался Алексей Иванович.

Где-то в первой половине августа в Москве погрузились в теплушки. В Омск прибыли в сентябре. Ехали в основном ночью. Днём стояли, пропускали эшелоны с красноармейцами на Запад, с эвакуированными заводами – на Восток. В начале пути даже попали по бомбёжку. Но всё обошлось.

ЭВАКУАЦИЯ ЗАВОДА

Наркомат электропромышленности составил план эвакуации подведомственных ему предприятий ещё 16 июля. По этому плану Фрязинский завод «Радиолампа» (№191) должен был эвакуироваться в г. Петропавловск Казахской ССР. Немцы приближались к Москве. В августе было принято новое решение Наркомата - о отдельной эвакуации завода: производство генераторных ламп в Ташкент, а производство приемопередающих ламп – в Уфу.

Руководство завода понимало, что разделить завод по разным городам означало, что производство приборов ни в одном из городов наладить невозможно. Оно возражало и возражало активно. Дело дошло до ЦК ВКП/б/, Там признали эти доводы убедительными.

Вопрос об эвакуации завода был особенно остро поставлен после выхода 10 октября постановления Государственного комитета Обороны о перебазировании из Москвы и Московской

области всех основных предприятий, производящих боевую технику, вооружение и боеприпасы.

Шестнадцатого октября утром Алексея Ивановича Пушкина срочно вызвал директор завода.

- Поезжай в Москву, в Наркомат, речь идёт о перебазировке завода. Времени нет, поезжай немедленно, ни о чём не беспокойся. Определишься с местом, имущество перешлём вместе с оборудованием – сказал он, подписывая сопроводительные документы.

В Наркомате уже официально объявили решение Государственного Комитета Оборона о перебазировании завода № 191 на восток страны (**без прекращения выпуска продукции**) и решение о назначении Алексея Ивановича Пушкина (*на фото*), в ту пору специалиста отдела капитального строительства завода «Радиолампа, уполномоченным ГКО по эвакуации завода.

Предстояло в кратчайшие сроки подобрать место эвакуации, на выбранном месте провести (привлекая местные трудовые ресурсы) первичные работы по оборудованию рабочих помещений, подготовиться к приёму эшелонов с оборудованием и специалистами из Фрязино. Тут же вручили удостоверение уполномоченного ГКО, подписанное Л. М. Кагановичем, выдали трёхдневный паёк, оружие.

Был мандат, были ориентировочно указаны места эвакуации предприятия, всё остальное требовалось решать самому, сообразно с обстанов-

кой. Вручая удостоверение, предупредили, что ехать необходимо незамедлительно. Алексей Иванович, как был в одном костюме и плаще, поехал на вокзал. Билет взял, только благодаря удостоверению уполномоченного ГКО (в удостоверении содержалась просьба ко всем гражданам и организациям оказывать всемерную помощь товарищу Пушкину Алексею Ивановичу).

Добрался до Казахстана. Петропавловск – Казахский, первое предполагаемое место размещения предприятия, не подходил по ряду объективных причин, два других места в Казахстане (военная неразбериха) были уже заняты предприятиями других Наркоматов.

Далее пришлось работать в режиме «свободного поиска». Место для предприятия нашлось только в столице Узбекистана. Но и тут проходило не всё гладко. Местным властям очень уж не хотелось отдавать для нужд подмосковного предприятия выбранное здание, (это была старая мечеть). Открыто об этом не говорилось (всё для победы), но доказывалось, что здание ветхое, вот-вот развалится. Пришлось проводить, как сейчас бы сказали, независимую экспертизу. Для проведения экспертизы были привлечены преподаватели Московского строительного института, находившиеся тогда в Ташкенте, в эвакуации. Экспертиза показала, что здание можно использовать. Об этом сразу было доложено в Москву и пошли эшелоны с оборудованием и специалистами в Ташкент.

Для подготовительных работ на месте привлекли специалистов Московского строительного института. А рабочих предоставил Республиканский Военкомат, задержав на два месяца отправку на фронт местных жителей, призывавшихся в инженерные и сапёрные подразделения.

Эшелонами в Ташкент вывозилось из Фрязина всё, включая подсобное хозяйство завода № 191. Выпуск продукции не прерывался ни на минуту, работали люди, пока ещё остававшиеся во Фрязине, работали и на ходу, в эшелонах. К декабрю месяцу перебазирование предприятия было закончено, завод в Ташкенте заработал в полную силу к Новому 1942 году.

Выполнив задание Государственного Комитета Оборона Алексей Иванович приступил к исполнению своих обязанностей технического инспектора по обустройству завода № 191, но уже в Ташкенте.

Возвращение во Фрязино

6 декабря Красная Армия перешла в контрнаступление под Москвой и отбросила врага на 100 км от Москвы. Угроза захвата Щелковского района и Фрязино пропала.

Вскоре во Фрязино приехали заместитель Наркома электропромышленности Ветров и начальник Главка Курицын. Они сообщили решение о срочном восстановлении завода. Ответственному за эвакуацию завода В.А. Смирнову было приказано отменить отъезд в Ташкент.

В Ташкенте Пушкины пробыли до зимы 1943 года. Алексея Ивановича, ныне почётного гражданина города, вызвали во Фрязино раньше, надо было налаживать строительство завода № 191, а потом и НИИ-160.

Вернувшись во Фрязино, Екатерина Григорьевна пошла работать на завод. Аллочка пошла в детский сад №1, что между домами №2 по ул. Московской и №4 по Институтской ул., а 1-го сентября 1944 года пошла в школу.

Началась у нее совсем другая жизнь.

